

Хасидизм и психоанализ

Суть подсознательного

В рамках своей теории Фрейд не проводит различия между понятиями "бессознательное" и "подсознание", в соответствии с этой точкой зрения, бессознательное является вместилищем всего низменного и порочного (согласно критериям иудаизма) в человеке. Хасидизм, признавая существование такой сферы, делит ее на два уровня.

Первый из них - "сверхсознание" - уровень высшей духовности, свойственной каждому человеку, независимо от того, сознает он это или нет. Оптимизм "Тании" в отношении возможностей человеческой личности в значительной части основан на признании существования "коллективного бессознательного" еврейского народа. Вне зависимости от самооценки индивидуума, в критические моменты оно пробуждается и влияет на него, иногда побуждая к подлинно революционным изменениям как в самой личности, так и в ее поведенческих реакциях. Второй из них - собственно подсознание; исследуя его, хасидизм в первую очередь интересуется первичными импульсами и инстинктами.

Однако, как говорилось выше, отличительным свойством учения хасидизма (это верно и для той его части, которая занимается структурными исследованиями души) является отсутствие субъективности. Эмпирическая природа его открытий и в этой области, как и во многих других, бросается в глаза. И как следствие, в рамках хасидизма не может возникнуть и развиваться теория, которая, будучи сведена к одной ключевой формуле, обобщила бы все сделанные наблюдения и открытия в области человеческой души. Однако, с точки зрения хасидизма, первичных импульсов, лежащих в основе всего многообразия чувственно-эмоциональной сферы, совсем немного: половое влечение и себялюбие.

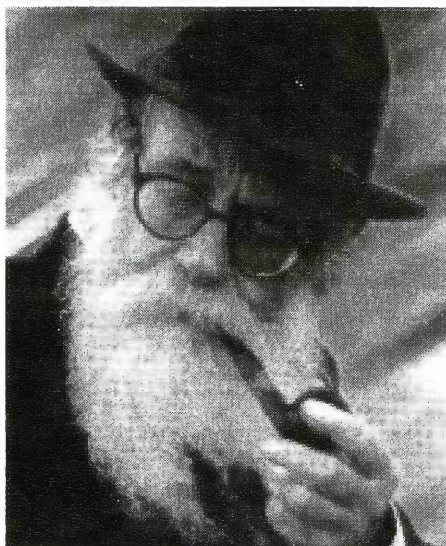
Оценку полового влечения как основного инстинкта, оказывающего влияние на формирование всей личности, мы находим уже в изречениях мудрецов Талмуда. Они не только установили то, что нет человека, который был бы выше подозрений в этой области (подобный подход иудаизма уникален), но и более того: в любом месте, где упоминается грех без всяких дополнительных определений, подразумевается именно грех, вызванный половым влечением.

Подобный подход нашел еще более глубокое выражение в хасидизме. Хасидские авторитеты не только занимались исследованием происхождения этой страсти и сопровождающих ее психологических феноменов, но и придавали ей первостепенное значение, рассматривая все остальные влечения как ее порождения. Например, раби Нахман из Браслава называл ее "основной страстью", поскольку, по его мнению, она включает в себя все остальные. Браславский хасидизм рассматривает половое влечение в качестве основы всех человеческих чувств. "Это основная страсть в человеке, охватывающая его всецело, поскольку ею и создается человек", - сказано в одной из его книг.

Это свойство человеческой психики, которое на языке психоанализа называется "либидо", является первоосновой всего Творения, в терминах хасидизма - онег, "стремление к наслаждению", - несмотря на всю неочевидность подобной параллели. Если рассматривать структуру души изолированно, истинником и основой всего - и чувства, и разума, и даже силы желания, которое выше разума, - является именно стремление к наслаждению, самодостаточное и ничем не обусловленное. Однако в хасидизме это свойство не является специфически соотносимым только со строением человеческой души, являясь сущностью и первоосновой всего мироздания.

Хасидизм различает еще одну скрытую, полностью или частично, сторону человеческой природы, свойственную каждому. Ее возникновение обусловлено ощущением ценности собственной личности, стремлением "Я" распространиться за существующие рамки, то, что в хасидизме определяется как малхут - "стремление царствовать", воля к власти.

Это чувство может иметь и множество негативных проявлений: гордыня, высокомерие, эгоцентризм и т.д. Однако, как и стремление к наслаждению (первичным выражением которого является половое влечение), воля к власти, малхут, с точки зрения хасидизма, является всеобъемлющей, космической силой, оказывающей свое влияние на всех уровнях мироздания, от высочайших до самых низших. Она отождествляется с неискоренимым желанием души (и всего мира) к самореализации. Это может принимать самые разнообразнейшие формы, в том числе и деформирующие реальность, - гордыня, например, это не что иное, как гипертрофированная самооценка. Или, как наиболее явное выражение того же желания - стремления личности распространиться за

существующие рамки (тем сильнее действующего на человека, чем более оно сокрыто от него), - эгоизм, приводящий в его крайних проявлениях к ненависти, ревности и соперничеству. Все эти проблемы возникают, в соответствии с учением хасидизма, из неспособности человека удержаться в отведенных ему пределах, и, как следствие, перешагнув через грань, он вторгается на чужую территорию и вредит окружающим.

Исправление изъянов души

Хасидизм ни в коей мере не является умозрительным теоретизированием - практически во всех областях, которые он затрагивает, его целью является исправление ситуации. И поэтому, исследуя проблемы человеческой души, он озабочен не столько созданием стройной системы, сколько исправлением изъянов личности, усиления и развития ее положительных сторон.

Практически единственный способ освободиться от власти зла над душой, существовавший в древности, заключался в максимальном подавлении, всеми возможными способами, всех негативных сил, в сокрушении страсти и вожделения. Наиболее радикальное средство для этого - изурноение тела. Посты, аскетизм и остальные виды самостязания рассматривались не только как кара за грех (способствующая покаянию и очищению), но как способ ослабления плоти и вместе с ней - ее страстей и дурных наклонностей. Хасидизм оказывал мощное противодействие этой практике аскетизма, настаивая на том, что она не только неэффективна, но и вредна, и отрицая сам подход, при котором тело рассматривается как нечто ненавистное, господствовавший у моралистов того времени. Основной хасидский аргумент гласил, что теория аскетизма вообще не достигает поставленных целей, поскольку все насильственные попытки преодолеть вожделение только загоняют его в глубину души.

Хасидский подход, напротив, характеризуется стремлением не разрушать, а возвысить реалии этого мира, включая материальные его аспекты. Предлагается совершенно иной путь решения проблемы освобождения человека от униженной подчиненности плотским желаниям: сублимация. Фундаментом этики хасидизма является утверждение, что вещи и явления не могут быть хороши или плохи сами по себе, а становятся таковыми в зависимости от наших намерений. В основе своей человеческие устремления амбивалентны, и задача каждого - повернуть их к добру, направить в положительную сторону. Разница между добром и злом в человеке - лишь вопрос намерений и целей. В соответствии с этим подходом сам факт наличия у человека сильных страстей свидетельствует о его потенциале Служения.

Было сформулировано множество конкретных предложений, как сублимировать различные склонности и страсти человеческой души. Но и здесь, как и во многих других темах, поднимаемых хасидизмом, отсутствовала цельная система, а контуры проблем (которые нитко

так и не удосужился свести воедино) и основные способы их решения лишь обозначены.

Так или иначе, один из наиболее эффективных способов исправления души, предлагаемых книгами по хасидизму, - излить ее перед мудрецом. Для этого хасид идет к своему Ребе и рассказывает ему обо всех своих проблемах и горестях. Советы и наставления Ребе при этом - предмет для отдельного разговора. Но эта практика является одной из самых действенных для исправления, излечения "больной души". Аналогия с практикой психоанализа несомненна. Необходимо отметить, что подобное излияние души ни в коем случае не религиозная церемония или обряд и не покаяние в грехах, а практический самоанализ душевных проблем перед равнином с целью получения конкретных рекомендаций.

Сочетание - его поучение и польза

Даже при беглом сравнении хасидизма и психоанализа легко увидеть разницу между их исходными принципами, методами и системами. Их сопоставление не дает оснований утверждать, что психоанализ - лишь один из способов практического применения хасидских идей или что Фрейд не являлся автором этой теории. Слишком велика разница между отдельными советами, разрозненными идеями и мировоззренческими установками, с одной стороны, и единой стройной системой, - с другой. На каких бы ложных посылах последняя ни основывалась, его гораздо легче пользоваться. Но даже обзорное сопоставление позволяет сделать некоторые выводы. Странно то, что при наличии многих общих исходных точек выводов, к которым приходят хасидизм и психоанализ, практически полностью противоречат друг другу. Причиной является несовпадение их исходных посылок.

Подход психоанализа по сути своей нерелигиозен и материалистичен. Поэтому в качестве первоосновы он принимает животную-материальную сторону человеческой души. Поскольку именно эта часть души для него первична, то весь последующий ход рассуждений сводится к созданию схемы, основанной на примате страстей (что порождает философию психоанализа, или, по крайней мере, попытку философского осмысления действительности, при которой под все многообразие мира тшится подвести этот фундамент). И поэтому психоанализ стремится высвободить подсознание без признания необходимости сублимации.

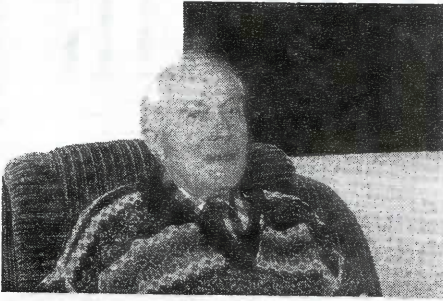
Хасидизм, напротив, подходит к реальности с совершенно другой стороны. И поскольку он достаточно хорошо знаком как с наличием бессознательного, так и со всем тем, что составляет его, как позитивным, так и негативным (ведь уже в самой Торе сказано, что "стремление ко злу в сердце человека с юности его"; Брейшит, 8:21), само собой разумеется, что он исповедует идею обуздания природных склонностей и обращения их к добру.

Однако, адекватно воспринимая действительность и учитывая наличие страстей и инстинктов, хасидизм не сводит к ним человеческую личность. Путем сублимации он пытается поднять человека на более высокий уровень сознания. Можно сказать и так: цель хасидизма - объединить сверхсознательное и бессознательное в человеке.

Проведенный нами анализ позволяет увидеть действительность теории хасидизма в ее подходе к оценке добра и зла, к целям и задачам, которые ставит перед собой человек в реализации естественных инстинктов и склонностей. Принципиальное различие между хасидизмом и психоанализом, выявленное нами, состоит в оценке не того, что заложено в личности, а ее способности управлять своими природными склонностями и ее взгляде на целесообразность этого. Подход хасидизма дает возможность на практике самим изменением цели обратить зло в добро. И чтобы добиться этого, можно воспользоваться практикой и методами психоанализа, используя все их многообразие, все богатство, накопленное ими, несмотря на противоречия, заложенные в подходах. Поскольку психоанализ, если сбросить с него псевдофилософскую шелуху, предлагает практические пути, технику и методику для достижения задач, которые ставит перед собой учение хасидизма, исходящее из совершенно противоположных мировоззренческих концепций в попытке поднять низкое и возвысить его.

Адин Штейнзальц
(Окончание. Начало в № 76)

Судьбы, опаленные войной

Предлагаем вниманию читателей несколько фрагментов из готовящейся к печати книжки.

Первого мая 1941 года торжественный военный парад на Красной площади. Мы к нему готовились весь апрель, с утра и до вечера обрабатывали строевой шаг. Перед парадом нам вместо стандартных гимнастеров выдали новенькие мундиры, к сапогам приколотили подковки, чтобы четче печатался шаг. Парад проходили "коробками" 8х24 человека с винтовками со штыками наперевес. На Мавзолее стояло все правительство, но Сталина я так и не разглядел - мешало солнце, да надо было следить за равнением.

2 мая, как обычно, выходной, но, несмотря на это, после обеда весь полк был поднят по тревоге, погружен в товарные вагоны и отправлен в Западную Белоруссию - часть Польши, недавно присоединенную к Советскому Союзу, западнее города Гродно, на самую советско-германскую границу, в бригаду противотанковых пушек. Поразительно, но это так: бригада, стоящая на границе была совершенно не вооружена. На батарее было всего несколько дореволюционных винтовок, а у офицеров - по пистолету и всего по две обоймы патронов. Пушки без планов, на пушку по шесть снарядов, всего несколько автомашин. За два дня до войны пригнали новобранцев. Все они из Средней Азии, одеты в халаты, подпоясанные платками, по-русски почти не понимали. И все это - на границе в ожидании войны.

В ночь на 22 июня 1941 года на батарее из комсостава остался я один. Это была ночь на воскресенье, и все командование батареи ушло смотреть фильм в ближайшую деревню, оставив меня главным начальником. Ночь была прохладной, от реки тянуло сыростью. Я укрылся теплеем и уснул. Часовым на посту был какой-то среднеазиат, из недавно прибывших. Так как никакого оружия у нас не было, то за поясом у него торчал штык от дореволюционной винтовки, использовавшейся для тренировок по штыковому бою. И это на границе, в пограничных войсках, перед самой войной! Мне снилось, будто по улице идет эскадрон лошадей, громко цокая подковами по брусчатке. Но сон досмотреть не удалось, его прервал часовой, настоятельно трясящий меня за плечо. Выйдя из палатки, я обомлел. Цоканье продолжалось, но это уже были разрывы бомб, сброшенных на местечко Мосты, на Гродно и на небольшой полуостров, откуда мы разгружали поступающие грузы. Все они горели. Огромное облако черного дыма затянуло горизонт. Война!!! Что делать? Советоваться не с кем. Первое - всех поднял, убрал демаскирующие белые палатки. Стрелять? По кому? Куда? Чем? На батарее всего несколько снарядов. Остальные на складах, километров за шестьдесят, и их уже разбомбили, и они рвутся. Да и стрелять-то никто не умел, новобранцев даже не успели перодеть в военную форму. Кое-кто из комсостава прибежал из деревни. Такие же молодые ребята, как и я, только что окончившие Киевское артиллерийское училище. Как и я растерявшиеся, перепуганные, не знающие, что делать. К тому же двух своих товарищей оставили в деревне - их застрелили поляки. Это были первые жертвы в нашей батарее.

Немцы пока не наступали. Они к нему готовились, обрушив на нас шквальный артиллерийский огонь. Вокруг рвались снаряды. Дым, огонь, пыль, песок забивали горло, глаза. Слышны отчаянные крики раненных. Такой переплет и присниться не мог! Страшно! Очен! Я лежал в воронке, зарывшись лицо в землю, звал и молил: "Мамочка, дорогая, спаси меня!!!" Огонь постепенно утих, и пошли танки, стреляя и утюжа, но позже они свернули в сторону, окружая нас. Из командования батареи осталось трое: лейтенант, старшина батареи и я. Какое сопротивление мы могли оказать, когда у нас не было даже элементарных винтовок, всего шесть снарядов на пушку, да и пушки без донора. Надо отступать, но куда, как? Карт не было, местности никто не знал. Целями остались лишь две автомашины, к ним прицепили по пушке. Немного снарядов и - на восток. Они уехали, а меня оставили подбивать оставшиеся пушки. Насыпав песок в ствол и, запрятавшись в щель, несколько пушек подовал. Но один в поле не воин, поймав пробегающую бесхозную лошадь, вскопчил на нее и подался в поисках наших.

Кауфман Залман Самуилович

Проехав Белоруссию, подошли к Смоленску, не только мы, но и немцы. Где-то было решено защищать город. Собрали отступающие войска. Нас разместили в районе цыганского колхоза, что возле города. Обрадовавшись двум пушкам, установили их на вышках по обе стороны дороги Витебск - Смоленск. Из нас образовали взвод, дали командира младшего лейтенанта по фамилии Зима, неумного и дремучего парня из глухой сибирской деревушки, но болезненно амбициозного. Лейтенантский кубик в петлице и кобура с наганом вовсе вскружили ему голову: "Вишь, партия и правительство поручило Зиме оборону Смоленска, и Зима оправдает это высокое доверие, а ты, вишь, грамотный, а сержант, да еще младший".

По дороге тянулись толпы отступающих, иногда проносились танки или танкетки. Какие из них наши, какие - немецкие младший лейтенант Зима, конечно, не знал, но пальнуть ох, как хотел. И он принял, по моему мнению, мудрое решение, других Зима вообще не принимал. Мне было приказано спуститься по дороге вниз и проверять документы у отступающих танкистов. Если окажутся немецкие, дать знать на батарею, и мы откроем по ним огонь из обеих пушек. Винтовок у нас не было, и Зима торжественно вручил мне бутылку с зажигательной смесью: "Брось в немецкий танк и - все". Понять смысла этого idiotского приказа я не смог. Какой немецкий танк остановится по моему приказу, и танкист станет предьявлять документы? Меня просто раздавят.

- Вот и хорошо, - упивался своей гениальностью младший лейтенант Зима, - мы таким образом узнаем, что это танк немецкий и из двух пушек его раздолбаем.

- Но ведь я погибну!

- Ну и что, зато уничтожим танк. Понимаешь, танк!

Видя, что мои глаза не сияют радостью, Зима вытасил из кобуры наган и стал его нервно поглаживать:

- Я не люблю, когда мои приказы обсуждают, - его маленькие, глубоко сидящие глаза стали излучать неприятные искорки.

Конечно, он мог пристрелить, кто его будет судить? Глупость приказа очевидна, но не младшему лейтенанту Зиме. Выхода не было, и я взял бутылку. На мое счастье немецких танков не было. Проехали две наши танкетки. На знак остановки, они в меня выстрелили парой известных русских слов и, не останавливаясь, промчались.

Все чаще немецкие самолеты стали налетать на Смоленск, а артиллерийская канонада, раздававшаяся вдали, стремительно приближалась. Зловеще шурша, проносились над головой снаряды. Уже горел колхоз, над городом поднялись огромные клубы черные дыма. Появился свист пули. Я забрался в щель, она оказалась кстати. Выглянув, увидел двигающиеся по ржаному полю темные точки. Это были немцы. Сидение мое в щели, как и все пребывание здесь, абсолютно бессмысленно. Выкатившись в кювет, идущий вдоль дороги, то ползком, то бегом направился к батарее. Когда я, наконец, добрался, ужас охватил меня. Пушка была разворочена снарядом. Разместившись на холме, она была хорошо видна немцам. Одна из наших машин, догорая, дымилась, вокруг в разных позах лежали ребята, а чуть в стороне и младший лейтенант Зима. Осколком ему несло половину лица и висок, только на одной сохранившейся петлице блестел новенький лейтенантский кубик. Так бесславно погиб младший лейтенант Зима - надежда партии и правительства.

Моя работа разведчика связана с обнаружением цели, сообщением на батарею, которая стоит за несколько километров от передовой, и корректировкой огня. Разведчик - это глаза и уши батареи, и он должен находиться на передовой, в передовых порядках пехоты, он все видит, все знает. Жизнь на передовой сопряжена с риском, постоянными потерями, бесконечными смертями, но постепенно с этим сживаешься, к этому привыкаешь, притупляется осторожность, появляется какая-то беспечность, даже ухарство.

Летом в разведке, тихо продвигаясь в густых зарослях ивняка, неожиданно лицом к лицу столкнулся с немцем, видимо, тоже разведкой. Немец оказался испанцем из "Голубой дивизии", воевавшей на стороне Германии. Он не успел взбросить автомат, а мой пистолет лежал за лазушкой фуфайки, а финка - в голяшке сапога. Мы схватились, завязалась рукопашная. Я старался его прижать к себе, чтобы тот не смог в меня развернуть автомат. Сильным ударом каски он разбил мне лицо, выбил передние зубы, разбил нос. Вся его физиономия была измазана моей кровью, жизнь висела на волоске, но я смог достать пистолет...

В районе занятой немцами деревни Александровка, что на Волкове между Новгородом и Питером, были большие склады боеприпасов. Их надо было уничтожить, но из-за леса они видны не были. Пришлось переходить линию фронта и по радио корректировать огонь. Пошли я - корректировщик, радист с громоздкой и неудобной радиостанцией 6-ПК (как говорили): "6-ПК не работает пока, только нажимает шею и бока" и солдат к аккумулятору. На этот раз все обошлось. Немцы нас не запеленговали. От склада куда то осталось. Но, возвращаясь, столкнувшись с нашим передовым охранением. Нас посчитали немецкой разведкой и развернули пару

пулеметов. Выручил громкий во весь голос мат. Нас не только узнали, но и накормили. Командир дивизиона капитан Зинченко за это мне объявил благодарность: "Ты хоть и еврей, но молодец", - налил кружку водки и дал кусок хлеба с колбасой. Я не знаю, что он написал в боевом донесении, но вскоре стал майором и на груди у него засверкал новенький орден Красного Знамени...

Готовился наступление. Требовался "язык". Мы пошли небольшой группой. Ушли в ночь. Удачно пересекли линию фронта и углубились в лес, но рассредоточились и в густом кустарнике потеряли друг друга. Я спрятался за большую кучу сучьев и веток. Немцы, видимо, были где-то недалеко - виднелась небольшая тропинка. Я был один. Чувство одиночества и беспомощности охватило и сдавило. Как все сложится? Было страшно. Почему-то вспомнилась мама. Как она бедная, переживает похоронку? А папа? На финскую он проводил меня до самого вагона. Забравшись в теплушку, я обернулся. У папы на глазах висели крупные слезы...

Было еще темно, но ночь уже начала таять. На тропинке появилось размытое пятно, постепенно принимающее человеческий облик. Немец! Я оторопел. Дыхание перехватило, сердце учащенно забилось. Он был без оружия в расстегнутом френче. Бледное немолодое лицо, впадные небритые щеки, нечесаные волосы. Какой-то дохляк или больной. Немец подошел вплотную, намерено, искал укромное местечко. Я застыл, напрягся до предела. Дрожь волнами пробежала по телу. Удар был сильный. По голове. Глушнейший, он зашатался, но устоял. Глаза стали огромными квадратными, вылезшими из орбит, подбородок мелко дрожал. Он не мог произнести ни слова, лишь прерывисто дышал. А было, что он заорет. Наведя пистолет на грудь, тихо, но внятно приказал: "Kein Laut, Kein Wort, oder - alles - Tod!" - "Ни слова, ни звука, иначе - конец - смерть". Он умоляюще посмотрел на меня, втянув в плечи голову, и путаясь ногами, покорно побрел.

На батарее это произвело большой фурор. Все приходило посмотреть на фрица. А он сидел и тупо смотрел в землю, ожидая своей участи. Я чувствовал себя именинником, хотя ничего героического не совершил. Просто повезло, немец попался покладистый. Был бы он с оружием, да покрепче, сценарий мог быть совсем иным.

Командир дивизиона Зинченко, так же, как и в прошлый раз, торжественно объявил благодарность. Снова налил кружку водки, дал кусок колбасы. Водку я чуть пригубил - она никогда не доставляла мне удовольствия, а колбасу проглотил почти не жуя: копченая, командирская, да я, как и всегда, был голоден. Немца отвезли в штаб. Он оказался каким-то писарем, что-то знал, что-то рассказал. А через некоторое время Зинченко получил второй орден Красного Знамени. Но не пошел ему в прок мой орден - попал под бомбежку и, как говорят, "погиб смертью храбрых".

Затем Ленинградский фронт, попытка снятия блокады с севера. Сеньявские болота, Торфяные поселки. Попал под бомбежку. Засыпало землей. Контузило. И до сего времени плохо слышу на одно ухо. Блокаду не прорвали, захлебнулись активностью немецкой авиации.

Следующая попытка прорыва была зимой 1943 г. В этих боях я, как обычно, сидел на наблюдательном пункте, и корректировал огонь. Немцы засеки. Первый снаряд разорвался за моей спиной, второй - впереди. Я все понял - вилка. Чнулся в санбате. Осколком легко ранен в руку, но взрывной волной сбит с высокого дерева. Падение тормозили густые ветви. Это меня спасло. Сломаны лишь обе руки. Три мучительных месяца в госпитале в городе Боровичах, что под Питером. Обе руки в гипсе, вместе с пальцами. Какой ужас без рук! Медсестры - девочки десятиклассницы, почти мои сверстницы, не только кормили ложечкой, но и водили в туалет, купали. Я сгорал от стыда. Из госпитальных впечатлений запомнилась смена обстановки. После нескольких лет жизни на передовой: в землянке, сна, не раздеваясь, грязи, вшей, колтилки из солянки, вечного чувства голода и ежесекундного ожидания смерти. И вдруг - постель, белые простыни, одеяло, полотенце, электрическое освещение, еда из тарелок, чай из стаканов и звук легких женских каблучков. Не верится. Не стану ли? Только здесь понял, как по всему этому проголодался, с каким наслаждением, с жадностью выпивал...

Лет через пятьдесят после войны в Петрозаводскую еврейскую общину приехали представители евангелической общины немецкого города Тюбингена, оказывающие нам помощь. Их руководителем Пауль Целлер в разговоре со мной поинтересовался, где я воевал. Оказалось, что мы были не только на одном участке фронта, но и под одной деревней Званкой, с противоположных сторон. В боях за эту деревню я был ранен, а Целлер пленен. Я лежал в госпитале в Боровичах, а он в этом же городе находился в лагере военнопленных, а встретились через полстолетия в еврейской общине! Фантастика!..

Мамина песня на идиш

Эта статья инициирована заинтересовавшей меня работой израильского музыканта и фольклориста Михазяля Лайнванда "Кольбельная в фольклоре идиш как отражение жизни народа" (журнал "Корни" 2003, №19). Ее автор основывается главным образом на редких, изданных в разные годы за рубежом источниках и обращается к содержательной стороне фольклорной и литературной фольклорной песни, широкому спектру ее тем и мотивов, обусловленных судьбой еврейского народа, его историей и, как он говорит, "стремительно меняющимся миром". Рассматривая ее именно в этой плоскости, Лайнванд справедливо заключает: "Итак, кольбельная на идиш, будучи продуктом, с одной стороны, народа-изгоя, лишенного национальной родины, бесправного и угнетенного, но наделенного бунтарским духом, а с другой - обстоятельством: голода и нищеты, погромов, эмиграции, революций, войн, гетто и лагерей уничтожения и т.д., как таковая выполняет свою основную функцию - успокаивать, укачивать, убаюкивать - лишь частично и в основном за счет мелодии. Текст же ее - это излияние "тяжелого сердца" матери. Он пробуждает, протестует, борется, взывает, призывает. Нередко это песни гнева, ужаса, социальной бури и натиска. Из них исчезает кольбельная вместе с объятием пламенем домом, а в ней - и отец, и мать, да и сам адресат, ребенок".

Действительно, насыщенность еврейских кольбельных песен не свойственными этому жанру мотивами, делает их уникальными и неповторимыми. Происходит несомненная трансформация жанра, его пересоздание и политизирование. Песни успокоения становятся песнями гнева и борьбы, обретают новый смысл и новую окрашенность. И таких текстов много. Приведу лишь один пример из сборника Н. Гребнева "Песни былого":

...Спи, мой маленький, пройдут года,
Может, выживешь и станешь старше,
Может статься, отомстишь тогда
Ты за ложь, за кровь, за слезы наши.
Лю-лю-лю.

"Прочитывая" еврейские кольбельные только под таким углом зрения, можно согласиться с М. Лайнвандом, назвавшим их "бездомными кольбельными бездомного народа", "лишь частично выполняющими свою основную функцию".

Между тем кольбельные еврейские песни - неотъемлемая составляющая давней народной традиции, один из традиционных жанров еврейского фольклора вообще и еврейского детского фольклора, в частности. В его основе вера в "магическую функцию слова". Еврейские кольбельные складывались на протяжении веков, когда народ-педагог, народ-мудрец отбирал эти поэтические произведения для самых маленьких. Это так называемая "лирика материнства" или материнская поэзия. Она обращена к ребенку, не ведающему содержания и смысла слов, еще не различающему окружающих его людей и предметы, но уже узнающему голос матери. Именно голос матери создает то эмоциональное поле, в основе которого - надежность, защищенность бытия. Голос матери - сигнал любви, нежности, заботы - вызывает у младенца бессознательное чувство доверия, успокаивает, убаюкивает.

Кольбельные еврейские песни бытовали в многочисленных еврейских поселениях ("штетл") на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, Литвы, Латвии, где почти на протяжении почти трех веков протекала жизнь восточноевропейского еврейства и где ему разрешалось жить. Еврейские мамы, как и мамы всего мира, исполняли свои непростительные импровизации, понимая, как они важны для физического, нравственного, духовного развития их детей. Известна трагическая судьба этих поселений, стертых с лица земли после второй мировой войны. К преступлениям фашизма добавилась послевоенная антиеврейская политика советского государства, отлучившего детей от своего языка и своей культуры. С этого времени еврейский детский фольклор как живая традиция перестал существовать. Однако детский фольклор и кольбельная песня оставались в памяти людей преклонного возраста, сохранились как воспоминание. Они и составили записи и вошли в публикации еврейского фольклора, сделанные в XX веке и содержащиеся в работах и изданиях фольклористов и музыковедов С.М. Гинзбурга, П.С. Марека, С.А. Ан-ского (Рапопорта), М.Я. Береговского и других. Фольклорные кольбельные вызвали к жизни литературные кольбельные, и последние стали бытовать как народные, оторвавшись от имени создавшего их автора (в их числе песни Шолом-Алейхея, М. Гебиртинга). Об этом красноречиво свидетельствует наиболее репрезентативная антология "Еврейская народная песня", (составлена и подготовлена М.Д. Гольдиной, И.И. Земцовским, Л.М. Печерской. СПб., 1994). В ней, как и в сборнике "Мелодия и образ: десять избранных еврейских народных песен" (составитель Ителла Мастбаум. Иерусалим, 2003), соседствуют тексты народной и литературной кольбельных песен.

И эти издания дают основание говорить о еврейской кольбельной песне как полнокровном, самостоятельном жанре национального традиционного фольклора, явлении

традиционной культуры и, наконец, национальной культуры детства. И в этой своей ипостаси еврейская кольбельная песня, как кольбельная всех народов мира, выполняет свою главную функцию - успокоительную, основанную на утверждении сна, усыплении ребенка.

Кольбельную ситуацию создает в ней слово-приказ, слово-команда, слово-формула "спи".

Спи скорей, мой Янке славный ...Shlof zhemir shoyn,
majn sheyner, ...
Ну, спи скорей... Nu, shlof zhe mir...
(Спи-усни, мой Янке. Мелодия и образ; с. 19)

Спи, мое дитя, Shlof, main Kind,
Моя надежда, красавец мой, Majn treist, main seiner,
Спи же, сыночек, Shlof ze, zuneniu.
Спи, моя гордость... Shlof, main kroin..(Антология, № 5)

Спи, мое дитя, Shlof, main kind,
Моя надежда, красавец мой, Majn treist, main seiner,
Спи же, лю, лю, лю, Shlof ze, lu, lu, lu
Спи, жизнь моя... Shlof, main lebn... (Антология, № 6)

Другое слово-стабилизатор, дающее ребенку установку на успокоение и являющееся неким акустическим сигналом для засыпания, характерное для еврейской кольбельной "люленьки" и его варианты (аналоги русскому "бай-бай").

Ай-лю-лю-лю, Ai liu liu liu,
Ай-лю-лю-лю-лю-лю-лю. Ai liu liu liu liu liu liu
(Антология, № 4)

Люленьке, птичка моя Lulinke, majn feigele,
Люленьке, дитя мое. Lulinke, majn kind.
(Антология, № 10)

Охранительная функция в песне принадлежит прежде всего маме, энергии и силе материнского чувства. Ее семейно-иерархическая роль хранительницы дома и семьи устойчива, неизменна (в отличие от роли отца). Мама постоянно и безотлучно с ребенком, на ее долю выпадают все трудности его роста, все тяготы повседневной жизни.

...Что ж ты плачешь Pestest zix un vejnst
И не хочешь глазки закрывать? Un slof vilst du nit.
Твоей матери усталой Maxst doch dajn farmarterer
muter

Ночь опять не спать. Smerch mir dermit.
Буду я тебя качать, X'vel dix vign? Lider zingen,
Люлинке моя. Lulinke, majn kind.
(Антология, № 3)

...У кольбельки твоей Baj dajn vig
Сидит твоя мама, Zict dajn mame.
Поет песенку и плачет, Zingt a lid un veint,
Когда-нибудь ты поймешь, Vest amol farstein mistame,
О чем она думает. Vos zi hot gemejnt.
(Антология, № 5)

Явно к древним представлениям восходит разговорный мотив, который вводит в свою импровизацию мама-охранительница ребенка от всех злых сил:

<...>Сыночек мой родной <...>
<...>Я двери затворю,
Тебя затворю
От порчи и от глаза,
Лусть и колдуны спят,
А порча и зараза
От сына улетят. (Песни былого, с. 194)

В другой песне мама высказывает благодарение Б-гу за испосланное ей дитя и молит его быть охранителем и успокоителем ребенка:

Мне послали небеса тебя, мой сынок!
Спи, усни, моя любовь, усни, мой ангелок!
Ты, как солнце, жизнь мою озарил собой,
Ты мне дороже всех богатств,
Миленький сыночек мой.

У кого еще найдешь чудеснее сына?
Глазки, точно звездочки, два прозрачных родничка.
Боже, я тебя молю, сына моего храни!
Мой бесценный ангелок,
Усни, сынок, усни! (Антология, № 11)

Отношение матери к ребенку неизменно связано с его идеализацией. Без преувеличения можно утверждать, что еврейская кольбельная - своеобразный памятник материнской любви, первоначально понятой "а идеше маме", вошедшего в обиход с очень известной песней.

Один из самых частотных мотивов кольбельной песни - мотив будущего благополучия. Специфика этого мотива в еврейском варианте, и это отметил и Лайнванд, особый пикет по отношению к книге, обретению знаний, изучению Талмуда и Торы, учености.

Он скоро в хедер, в добрый час пойдет.
И будет там учить Талмуд и Тору.<...>
Он будет наизусть читать Гемару,
И папа будет слушать и сиять <...>
Ну, спи скорей, мой будущий ученый.
(Мелодия и образ, с. 19)

...Будет в хейдер бегать много,
Там учиться будет долго...

Мир еврейской кольбельной песни (об этом говорят и уже цитированные тексты) включает в себя несколько рядов персонажей. Самый главный - человеческий (ребенок, мать, отец). О ребенке и матери уже говорилось. Что же касается отца, то его семейный статус не столь однозначен: он глава семьи, кормилец, его деятельность в основном происходит вне дома - и тогда он пример для подражания ребенку, но он может быть и разрушителем семейного начала.

Люленьки, люли,
Папа уехал.
-Куда он поехал?
-Он в Букки поехал.
-А что он там купит?
-Корову с теленком.
-А кто ее будет доить?
-Мы с тобой. (Мелодия и образ, с. 21)

Он не первым, не последним
Примет смертный бой!
Так не плачь, дитя, твой папа -
Он большой герой.... (Антология, № 7)

На базар твой папа не пойдет,
Изюм и миндаль не привезет.
Люлиньке, мой сын.
Уехал он от нас с тобой.
Нас он бросил, мальчик мой.
Люлиньке, мой сын (Антология, № 20)

Животные, которые окружают ребенка, преимущественно из окружающего мира природы: это либо мирные домашние - корова, теленок, гусочка, петушок, либо птички, причем не определенная биологическая особь, а собирательное - "птичка", "птички" ("feigele").

На ветвях уснули птички,
Спи, дитя, мое. (Антология, № 23)

Один из самых популярных мотивов - мотив козочки, белой козочки.

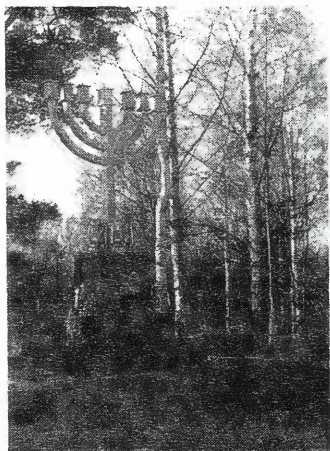
Под кроваткой деточки
Беленькая козочка.
Вот козочка пошла купить
Изюма с миндалем... (Антология, № 13)

Коза, козочка с ее символической плодородия, благополучия имеет в мировой (начиная с античной) и еврейской традиции древние мифологические корни. И в этом качестве козлик - жертвенное животное еврейской пасхальной обрядности. Акт жертвоприношения с перекладыванием вина своеобразно отражает пасхальная песня-сказка "Козлик". Наконец, еврейская кольбельная песня - песня дома. Кроватка, у которой сидит мать, - это фиксированное защищенное пространство дома. У бездомного ребенка нет своей кроватки.

Спи, моя дочурка.
Спи в своей кроватке.
Песенку тебе спую,
Чтоб заснула сладко. (Антология, № 3)

У кольбельки твоей
Сидит твоя мама,
Поет песенку и плачет... (Антология, № 5)

Таков мир еврейской кольбельной песни, имеющей давнюю традицию и являющейся бесценным памятником народной культуры. Потенци и импульсы жанра праматери оказались настолько мощными и продуктивными, что дали жизнь произведениям не детской тематики, произведениям с новыми мотивами, отразившими трагические страницы истории и судьбы еврейского народа.

Руководство еврейской общины выражает искреннюю благодарность всем, принявшим участие в сборе средств на установку памятного знака "Менора". Это первая подобная крупная акция общины, и она показала нашу способность самим, без посторонней помощи, решать некоторые свои проблемы. Особая благодарность авторам проекта Евгению Калинин и Александру Ланда, кузнецу-художнику Николаю Белякову, а также тем, кто внес наибольший вклад на осуществление проекта:

Бравому Я., Ройтбурд Т., Лешбергу П., Цинкерман Н., Хорошу Л., Тихоновой Е., Генделеву Д., Цеханович Б., Ратнеру Л., Варакса Г., Вовчику В., Гехт Г., Донову С., Ициксон Е., Ициксону С., Ицковскому М., Йоффе Г., Кашиной М., Клаперман И., Литвиновой В., Самойловой Т., Сийки М., Староконь Д., Хариной О., Шапиро Р., Шахнович И., Цегельницкой Н.

Из еврейской народной поэзии

Продолжаем знакомиться с еврейской народной поэзией в переводах Наума Гребнева. Между прочим, «Гребнев» – это псевдоним поэта, а фамилия его Рамбах.

Если оглянуться на нашу с вами историю, то мы видим и помним, как много в ней трагического, горького и печального. Но сила народного духа в том, что обычно называют смехом сквозь слезы. И в народной еврейской поэзии печальное и смешное как-то трогательно и уникально переплетено. Вот еще несколько примеров.

Я вас узнал

- Ай-ай-ай-ай,
Нижайший вам поклон,
Я вас узнал, вы – здешний смологон.

- Ой-ой-ой-ой,
Но я – не смологон,
И все мы ископон
Не этим занимались.
Покойный мой отец
И дед мой, наконец,
Смолой не пробавлялись,
Вы просто обознались!

- Ай-ай-ай-ай,
Поклон вам, как живете?
Я вас узнал – вы здесь веревки вьете!

- Ой-ой-ой-ой,
Веревку я не вью,
Взять нашу всю семью,
Так, может, мы сто лет
Пенькой не занимались.
И мой отец, и дед
Не этим пробавлялись,
Вы просто обознались.

- Ай-ай-ай-ай,
Я путал до сих пор,
Теперь я вас узнал: вы – здешний вор!

- Ой-ой-ой-ой,
Мне горе и позор!
Я, право же, не вор,
Не этим промышляли
Мой дед, и мой отец,
И прадед, наконец,

Вовек не воровали,
Меня вы не узнали.

- Ай-ай-ай-ай,
Я виноват премного,
Теперь я вас узнал, простите, ради Б-га,
Вы кантор наш, вот ваша синагога.

- Ой-ой-ой-ой,
Ой, вы не обознались,
Я – кантор много лет,
И мой отец и дед
Лишь этим занимались.
Но как вы догадались?

Что зажурился, Нахимке?

- Что зажурился, Нахимке, что
ходишь сам не свой?

- Я полюбил красавицу, отец мой
дорогой!

- Есть ли за ней приданое,
богатство, дом большой?

- За нею нет приданого, отец мой
дорогой!

- Не дам благословения тебе,
сыночек мой!

- А мы без разрешения, родитель
дорогой!

- Тогда я на венчание к вам не
приду, сынок!

- Тогда на обрезание ты явишься,
даст Б-г!

- Когда же свадьба ваша, скажи,
сынородной?

- Я внука за тобой пришло,
родитель мой!

Иосиф Гин

Еврейская община имеет честь поздравить с Днем рождения

СЛУЦКОГО Григория Евсеевича

ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Наша кухня

Бульон с домашней лапшой

Тесто: мука 700 г, яйцо 1 - 2 шт., вода 1 стакан, соль 1 ч. ложка

Бульон 1,4 л, лапша домашняя 240 г, морковь 1 шт.,

петрушка (корень) 1 шт., лук репчатый 1 шт.

Для лапши готовят крутое тесто. Яйца, соль, размешивают в воде, муку, желативно высшего сорта, просеивают, делают из нее холмик с углублением, в которое вливают приготовленную смесь. Замешивают тесто до однородной консистенции и выдерживают его 30 - 40 минут. После этого очень тонко его раскатывают, подсушивают, нарезают на полоски шириной 4 - 5 см, складывают их одна на другую и шинкуют, затем раскладывают лапшу тонким слоем и подсушивают.

В кипящий куриный или мясной бульон закладывают корни, а после того как бульон снова закипит - лапшу, предварительно отсеять через сито муку. Для сохранения прозрачности супа лапшу следует сначала опустить на одну минуту в горячую воду, затем откинуть на сито, дать воде стечь, переложить в бульон и варить 15 - 20 минут. За 5 - 6 минут до окончания варки в суп добавляют специи.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
Давид Генделев
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены
фирмой "Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26
Тираж 300 экз.

ИСТИННУЮ МУДРОСТЬ МОЖНО ПОСТИЧЬ
ЛИШЬ ЧЕРЕЗ ПРАКТИКУ.

Маймонид, Путеводитель заблудших

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

ГОЛЬДЕНБЕРГ Рису Моисеевну

КВИТКО Риту Гдалевну

МАЛЯРЕНКО Любовь Наумовну

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!